

LIANE
MORIARTY

Книги
ЛИАНЫ МОРИАРТИ

Тайна моего мужа
Что забыла Алиса
Большая маленькая ложь
Последняя любовь гипнотизера
Три желания
Последний шанс
Верные, безумные, виновные
Девять совсем незнакомых людей

Лиана Мориарти

Тайна моего мужа

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М79

Liane Moriarty
THE HUSBAND'S SECRET
Copyright © Liane Moriarty, 2013
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Инги Смирновой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19613-1

© И. С. Смирнова, перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2021
Издательство Иностранка®

*Адаму, Джорджу и Анне.
И Амелии*

Грешить как люди и как Бог прощать.

Александр Поуп. Опыт о критике.

Перевод А. Субботина

Бедняжка Пандора! Зевс отсылает ее в супруги не слишком умному Эпиметею, которого она даже ни разу не видела, вручив таинственный закрытый сосуд. Никто ничего ей не объясняет. Открывать сосуд не запрещали, — естественно, она его открывает. Почему бы и нет? Откуда ей было знать, что все эти страшные напасти со свистом вылетят наружу, дабы вечно терзать человечество, а на дне останется лишь надежда? Почему на нем не было этикетки с предупреждением?

А затем началось: «Ох, Пандора, где же была твоя сила воли? Говорили же тебе не открывать ларец, пронырливая ты девица, типичная баба с неумным любопытством. Так погляди же, что ты натворила». А между прочим, прежде всего, это был кувшин, а не ларец, и потом, сколько можно повторять: никто и словом не обмолвился, что его нельзя открывать!

Понедельник

Глава 1

Виной всему была Берлинская стена. Если бы не Берлинская стена, Сесилия никогда бы не нашла письмо и теперь не сидела бы тут, за кухонным столом, раздумывая, следует ли его вскрыть.

Конверт посерел от тонкого слоя пыли. Имя адресата было выведено синей шариковой ручкой, царапавшей бумагу, а почерк этот она знала не хуже своего. Запечатали конверт пожелтевшим клочком клейкой ленты. Сколько ему лет? Письмо казалось старым, будто было написано давным-давно, но точно не скажешь.

Сесилия не собиралась его вскрывать. Было совершенно очевидно, что не следует этого делать. Среди всех знакомых она славилась решительностью, и раз уж ей кажется, что вскрывать не надо, то и раздумывать не о чем.

Хотя, с другой стороны, даже если она его распечатает, что в этом такого? Любая женщина так и поступила бы без особых раздумий. Сесилия перебрала в уме подруг и прикинула, что бы те ответили, позвони она им сейчас и спроси их мнения.

Мириам Опенгеймер: «Ага. Вскрой его».

Эрика Эджклифф: «Ты что, шутишь?! Вскрывай сейчас же».

Лора Маркс: «Да, ты должна его вскрыть, а потом прочти мне».

Сара Сакс... Сару спрашивать бессмысленно, потому что она совершенно не способна принимать решения. Не ответит даже на вопрос, предпочитает она чай или кофе: будет сидеть добрую минуту с наморщенным лбом, как будто мучительно взвешивая преимущества и недостатки каждого напитка, а потом наконец скажет: «Кофе! Нет, погоди, чай!» Подобная же дилемма довела бы ее до припадка.

Махалия Рамачандран: «Ни в коем случае. Это крайне неуважительно по отношению к твоему супругу. Тебе нельзя вскрывать это письмо».

Порой Махалия бывала чересчур уверена в себе, да еще и смотрела при этом огромными карими укоряющими глазами.

Сесилия оставила письмо на кухонном столе и пошла ставить чайник.

Будь проклята Берлинская стена, и холодная война, и тот тип, кем бы он ни был, который в тысяча девятьсот сорок каком-то году сидел и раздумывал, как бы поступить с неблагодарными немцами. А потом вдруг щелкнул пальцами и заявил: «Ей-богу, придумал! Мы построим чертову огромную стену, чтобы держать ублюдков за ней!»

Хотя маловероятно, чтобы он при этом выражался, словно старшина британской армии.

Эстер наверняка знает, кому именно пришло в голову построить Берлинскую стену. Даже дату рождения назовет. И скорее всего, это окажется мужчина: только мужчина мог бы выдумать нечто настолько жестокое, по сути своей глупое и все же безжалостно действенное.

Интересно, это с ее стороны сексизм — думать так?

Сесилия наполнила чайник, включила его и бумажным полотенцем стерла капли воды, брызнувшие в раковину, чтобы та засверкала.

На прошлой неделе, перед собранием праздничного комитета, одна из мам, чьи трое сыновей-школьников приходились плюс-минус ровесниками трем дочерям Сесилии, назвала какое-то ее замечание «самую чуточку сексистским». Сесилия не могла припомнить собственные слова, но она точно всего лишь шутила. И в любом случае разве женщины не имеют права на сексизм в ближайшую пару тысяч лет, пока не сравняют счет?

Может, она и сексистка.

Чайник вскипел. Сесилия поболтала в чашке пакетиком «Эрл грея», наблюдая, как темные завитки расползаются по воде, словно чернила. Бывают вещи и похуже сексизма. Скажем, можно оказаться одной из тех особ, кто складывает пальцы щепотью, произнося «самую чуточку».

Сесилия посмотрела на заваренный чай и вздохнула. Бокал вина пришелся бы сейчас более кстати, но на время Великого поста она отказалась от алкоголя. Осталось всего шесть дней. Она припасла бутылочку дорогого «Шираза», чтобы открыть ее в пасхальное воскресенье, когда на обед придут тридцать пять взрослых и двадцать три ребенка, так что он ей пригодится. Хотя, конечно же, она давно наострилась развлекать гостей. Родственники собирались у них на Пасху, День матери, День отца и Рождество. У Джона Пола было пятеро младших братьев, все женатые и с детьми, так что толпа выходила немаленькая. Ключом к успеху было планирование. Скрупулезное планирование.

Она взяла чай и отошла с ним к столу. И зачем она отказалась на время поста именно от вина? Полли вот поступила разумнее: решила воздерживаться от клуб-

ничного варенья. Прежде Сесилия не замечала, чтобы Полли проявляла к клубничному варенью хотя бы мимолетный интерес, зато теперь, разумеется, то и дело заставляла дочь перед открытым холодильником тоскливо созерцающей банку. Запретный плод!

— Эстер! — окликнула Сесилия.

Дочери в соседней комнате смотрели шоу «Потерявший больше всех» и грызли чипсы с солью и уксусом из огромного пакета, оставшегося с давешнего пикника в честь Дня Австралии. И почему три ее стройные дочери так любят смотреть, как тучные люди потеют, плачут и голодают? И непохоже, чтобы это прививало им склонность к более здоровому питанию. Стоило бы зайти к ним и отобрать чипсы, но они без единой жалобы поужинали лососем со сваренной на пару брокколи, и ей не хватило бы духу на споры.

— И за ничего вы не получаете ничего! — донесся громкий возглас из телевизора.

Пожалуй, ее дочерям даже полезно это услышать. Кто может знать это лучше Сесилии! И все же ей не нравилось выражение легкого отвращения, мелькающее на их гладких юных лицах. Она всегда бдительно следила за тем, чтобы не позволять себе при детях отрицательных суждений о чьей-то внешности, хотя того же нельзя сказать о ее подругах. Только на днях Мириам Опенгеймер заявила достаточно громко, чтобы расслышали все их впечатлительные дочери: «Боже, только посмотри на мой живот!» — и прихватила складку кожи кончиками пальцев, словно какую-то гадость. Отлично, Мириам, как будто наших дочерей и без того ежедневно по миллиону раз не призывают возненавидеть собственное тело.

Сказать по правде, живот Мириам и впрямь выглядел несколько рыхловатым.

— Эстер! — позвала Сесилия снова.

— В чем дело? — отозвалась та терпеливым, нарочито покладистым тоном, в котором Сесилия заподозрила неосознанное подражание ее собственному.

— Кому пришло в голову построить Берлинскую стену?

— Ну, считается, что это был Никита Хрущев! — немедленно ответила Эстер, выговорив экзотическое имя с явным удовольствием и собственной неподражаемой имитацией русского произношения. — Он был вроде как премьер-министром России, только первым секретарем. Но это мог быть и...

— Эстер, заткнись! — незамедлительно откликнулись ее сестры со своей обычной безупречной любезностью.

— Эстер! Я не слышу телевизора!

— Спасибо, милая! — поблагодарила ее мать.

Сесилия отпила чая и вообразила, как отправляется в прошлое и ставит этого Хрущева на место.

«Нет, мистер Хрущев, не будет вам никакой стены. Она не докажет, что коммунизм работает. И вообще ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Послушайте, я согласна, что капитализм не самая лучшая идея. Хотите, покажу вам последний оплаченный мной счет? Но вам действительно нужно еще раз хорошенько поразмыслить».

И если бы он послушал, пятьдесят лет спустя Сесилия не нашла бы это письмо, из-за которого сейчас чувствует себя такой... как же это называется?

Неспособной сосредоточиться. Так будет точнее всего.

Ей нравилось ощущать себя сосредоточенной. Она гордилась своим умением сосредоточиваться. Ее повсе-

дневная жизнь состояла из тысячи крохотных проблем: «нужен кориандр», «стрижка Изабелы», «кто будет во вторник присматривать за Полли на балете, пока я поведу Эстер к логопеду?» — словно это была одна из огромных мозаик, над которыми часами трудилась Изабель. И все же Сесилия, никогда не имевшая терпения на головомки, точно знала, где должен располагаться каждый кусочек ее жизни и к чему его пристроить.

И ладно, может, ее жизнь и не была такой уж неординарной или впечатляющей. Она занималась школьными делами и подрабатывала консультантом в «Таппервере»¹ — не актриса, не актуарий² или, скажем... поэтесса, проживающая в Вермонте. Недавно Сесилия узнала, что Лиз Броган, с которой она вместе училась в средней школе, переехала в Вермонт и стала поэтессой, да еще и получала какие-то премии. Та самая Лиз, которая ела бутерброды с сыром и «Веджимайтом»³ и постоянно теряла автобусный проездной. Сесилии потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы удержаться от досады по этому поводу. Не то чтобы ей хотелось писать стихи. Но все же, если подумать, кому и светила заурядная жизнь, так это Лиз Броган.

Разумеется, Сесилия всегда и стремилась именно к заурядности. «Вот такая я, типичная мама из пригорода», — порой ловила она себя на мысли, как если бы ее обвиняли в стремлении стать кем-то иным, более значительным.

---

1 «Таппервер» — американская компания, торгующая посудой методом прямых продаж через независимых консультантов. — *Здесь и далее прим. перев.*

2 *Актуарий* — специалист по страховым расчетам.

3 «Веджимайт» — национальное австралийское блюдо, густая паста на основе дрожжевого экстракта.

Другие матери твердили, что сбиваются с ног, что им трудно сосредоточиваться на чем-то, и постоянно спрашивали: «Сесилия, как же ты со всем этим справляешься?» А она не знала, что ответить. Она толком и не понимала, что они находят таким затруднительным.

Но сейчас почему-то казалось, что ее жизненный уклад под угрозой, хотя она не могла бы объяснить, в чем дело.

Может, это и не имело отношения к письму. Возможно, все дело в гормонах. По словам доктора Макартура, у нее «возможно, начинается пременопауза». «О, ничего подобного!» — машинально отозвалась Сесилия, как будто в ответ на мягкое, беззлобное оскорбление.

Возможно, это как раз и есть та смутная тревога, которую, как она слышала, испытывают некоторые женщины. Другие женщины. Склонность людей волноваться всегда казалась ей трогательной. Если Сесилии попадались милые беспокойные особы вроде Сары Сакс, ей всегда хотелось погладить их по полной тревог головке.

Может быть, если она вскроет письмо и убедится, что в нем нет ничего важного, ей удастся сосредоточиться снова. У нее еще много дел: сложить две корзины выстиранного белья, сделать три срочных телефонных звонка, испечь к завтрашнему собранию безглютеновый корж для страдающих целиакией членов команды, занимающейся школьным веб-сайтом (то есть для Джанин Дэвидсон).

Да и помимо письма, у нее было о чем беспокоиться.

Например, вопрос секса. Он постоянно маячил в ее мыслях где-то на заднем плане.

Она нахмурилась и скользнула ладонями по бокам в области талии. По «косым мышцам», как называл их ее тренер по пилатесу. Ох, на самом деле вопрос секса

не имеет значения. Она вовсе о нем не думает. Отказывается о нем думать. Это совершенно неважно.

Быть может, и впрямь с того самого утра в прошлом году ее не оставляло затаенное ощущение уязвимости. Ясное осознание того, что мир кориандра и стираного белья может исчезнуть в одно мгновение, и тогда вся твоя заурядность испарится, а ты внезапно рухнешь на колени, запрокинув лицо к небу. Кто-то будет бежать тебе на помощь, а другие поспешно отвернутся, не произнося, но отчетливо думая: «Только бы это не коснулось меня».

Сесилия увидела это снова, в тысячный раз: как летит маленький Человек-паук. Она была из тех женщин, кто побежал. Ну разумеется, она кинулась из машины, распахнув дверцу, хотя и понимала: тут уже ничем не поможешь, как ни старайся. Это была не ее школа, не ее район, не ее приход. Никто из ее детей ни разу не играл с тем малышом, а она сама никогда не пила кофе с упавшей на колени женщиной. Она всего лишь по случайности остановилась на светофоре по другую сторону от перекрестка, когда это произошло. Маленький мальчик, должно быть лет пяти, одетый в красно-синий костюм Человека-паука, ждал у края дороги, держа мать за руку. Шла Неделя книги, поэтому ребенок был в костюме.

«А ведь, собственно говоря, Человек-паук вовсе не книжный персонаж», — подумала еще Сесилия, глядя на него.

И тут, по неведомой ей причине, малыш отпустил руку матери и шагнул с края тротуара в поток машин. Сесилия закричала. И еще, как она вспомнила позднее, бессознательно ударила кулаком по гудку.

Если бы Сесилия подъехала на пару мгновений позже, то не увидела бы, как все произошло. Десятью минутами позже — и смерть мальчика означала бы для нее

всего лишь очередной вынужденный объезд. Теперь же это стало воспоминанием, из-за которого, вероятно, ее внуки когда-нибудь попросят: «Бабушка, не сжимай мою руку так сильно».

Да, но какая может быть связь между маленьким Человеком-пауком и этим вот письмом?

Он просто вспоминался ей время от времени.

Сесилия ногтем смахнула письмо на дальний край стола и взяла библиотечную книгу, принесенную Эстер, — «Строительство и падение Берлинской стены».

Итак, Берлинская стена. Замечательно.

Впервые она узнала, что Берлинская стена вот-вот станет существенной частью ее жизни, сегодня за завтраком.

Они с Эстер сидели за кухонным столом вдвоем: Джон Пол до среды улетел за океан, в Чикаго, а Изабель с Полли еще спали.

Обычно Сесилия по утрам не присаживалась и завтракала стоя, у рабочего стола, и одновременно собирала школьные обеды, проверяла на айпаде заказы из «Таппервера», разгружала посудомоечную машину, писала клиентам сообщения о вечеринках или занималась еще чем-нибудь. Но тут ей выдалась редкая возможность провести немножко времени наедине со своей чудакватой, любимой средней дочерью, так что, пока Эстер расправлялась с миской воздушного риса, она присела рядом с чашкой мюсли и подождала.

Этому она научилась, общаясь с дочерьми. Не говори ни слова. Не задавай вопросов. Дай им достаточно времени, и они сами расскажут, что у них на уме. Это похоже на рыбалку, которая тоже требует тишины и терпения. По крайней мере так ей говорили. Сама Сесилия скорее начала бы заколачивать себе в лоб гвозди, чем отправилась бы рыбачить.

Молчание давалось ей нелегко: Сесилия была болтушкой. «Серьезно, ты хоть иногда затыкаешься?» — спросил ее как-то тогдашний парень. Особенно много она болтала, когда тревожилась. Должно быть, с ним ей было тревожно. Впрочем, счастье делало ее не менее разговорчивой.

Но этим утром она не произнесла ни слова — просто ела и ждала, и, разумеется, Эстер заговорила первой.

— Мам, — начала она хрипловатым и уверенным голоском, слегка шепелявя. — Ты знала, что несколько человек сбежали за Берлинскую стену на самодельном воздушном шаре?

— Нет, этого я не знала, — откликнулась Сесилия, хотя, возможно, она об этом и слышала.

«Прощай, „Титаник“, привет, Берлинская стена», — подумала она.

Она бы предпочла, чтобы Эстер поделилась с ней собственными переживаниями, тревогами из-за школы или друзей, спросила, откуда берутся дети. Но нет, дочери хотелось поговорить о Берлинской стене.

С трехлетнего возраста на Эстер время от времени накатывали разные увлечения, или, точнее, почти мании. Первыми оказались динозавры. Конечно, множеству детей нравятся динозавры, но интерес Эстер был, сказать по правде, несколько утомительным и своеобразным. Ничто другое ребенка не занимало. Она рисовала динозавров, играла в динозавров, наряжалась динозавром. «Я не Эстер, — заявляла она. — Я ти-рекс». Каждая сказка на ночь должна была повествовать о динозаврах. Каждый разговор должен был каким-либо образом затрагивать динозавров. Повезло еще, что Джон Пол разделял этот интерес, поскольку Сесилия не могла говорить на данную тему больше пяти минут. Они же вымерли! О них вообще нечего сказать! Джон Пол

ездил с Эстер по музеям, приносил для нее книги, часами беседовал с дочерью о травоядных и хищниках.

С тех пор увлечениями Эстер становились самые разные вещи: от американских горок до тростниковых жаб. Последним был «Титаник». Теперь, к десяти годам, она достаточно повзрослела, чтобы проводить собственные исследования в библиотеке и в Сети, и Сесилию поражали собранные ею сведения. Какая десятилетка станет читать в кровати исторические книги, настолько огромные и толстые, что она едва способна их поднять?

«Поощряйте ее!» — советовали школьные учителя, но порой Сесилия беспокоилась. Даже опасалась, не страдает ли Эстер легкой формой аутизма или, по крайней мере, расстройством аутистического спектра. Мать Сесилии рассмеялась, когда она поделилась с ней своими тревогами. «Но ты же была точь-в-точь такой же!» — возразила она. Хотя вовсе ничего подобного. Содержание в безупречном порядке коллекции кукол Барби не в счет.

— На самом деле у меня есть кусок Берлинской стены, — внезапно вспомнив об этом, призналась Сесилия этим утром и с удовольствием заметила, как в глазах дочери вспыхнул интерес. — Я побывала в Германии после того, как ее снесли.

— Можно посмотреть?

— Можешь забрать его себе, милая.

Для Изабелы и Полли — украшения и наряды. Для Эстер — кусок Берлинской стены.

В 1990 году Сесилия, которой тогда было двадцать, отправилась в шестинедельную поездку по Европе со своей подругой Сарой Сакс. Знаменитая нерешительность Сары вкупе со знаменитой решительностью Сесилии превратили их в идеальных попутчиц: никаких споров между ними и быть не могло.

Мориарти Л.

М79 Тайна моего мужа : роман / Лиана Мориарти ; пер. с англ. И. Смирновой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-389-19613-1

Некоторым тайнам лучше оставаться взаперти навсегда.

Представьте себе, что ваш муж написал письмо, которое вы должны вскрыть после его смерти. Вообразите, что письмо раскрывает мрачную тайну, которая способна разрушить не только ваш устоявшийся быт, но и искалечить судьбы многих окружающих вас людей.

Сесилия Фицпатрик — прекрасная жена и мать трех подрастающих дочерей — случайно находит письмо, написанное ее супругом много лет назад с просьбой вскрыть после его смерти. Но ее муж еще жив и здоров. Он просит ни в коем случае не вскрывать это послание. Однако Сесилия все же вскрывает письмо, и страшная тайна, которую она узнает из него, кардинально изменяет жизнь не только ее семьи, но и людей, которых она едва знает...

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

ЛИАНА МОРИАРТИ
ТАЙНА МОЕГО МУЖА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Редактор Елизавета Дворецкая
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Елена Терскова, Нина Тюрина

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ПАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MJJ-28361-01-R